

Из дневника Зенитчика*

Ю. Н. Бучинский

23

23 января 1942 года
Начинаю копить хлеб. Всю ночь стоял в карауле, и эта мысль все время сидела у меня в голове. То мне представляются уже мои часы, лейка.

Окончить работу с ведрами не успел, еще осталось одно. Зверски ругали меня за плохое отношение к матчасти. Но дело кончилось спокойно. Собрал 300 гр., но продать не смог: попалась смена милиционеров без денег или не очень нуждающихся – ничего, продать успею.

Пимонов купил себе тоже часы за 600 рублей, как у Сергея; теперь у нас три пары часов, дело за мной. На дворе к вечеру поднялась метель и сильный мороз – градусы 27–30. Наше отделение в наряде и придется встать три раза ночью по одному часу. Сижу, решаю задачи. Скорее бы собрать денег немного, так, рублей тысячу.

Говорят, что в городе ежедневно на кладбище возят по 10–15 тонн трупов, не закапывают, а просто сваливают. Тяжелое время, черт возьми.

Везде валяются трупы замерзших, обессиливших от голода, около, но недалеко тоже.

Плохо, что-то нет газет вот уже третий день. Когда принесут нам наш заказ на бумагу и конверты? Нужно писать и не на чем.

24 января 1942 года

Ну и погода! Снег, метель, мороз достал – 33°. Продал 400 гр. хлеба и 95 гр. сахара за 100 рублей, теперь у меня 200 рублей.

За хлеб и другие вещи здорово ругают, постараюсь делать незаметно.

Вечером после ужина плоховато чувствовал себя: изжога и пр., наверно от рисовой каши, которую нам дали на ужин. Эту пятидневку нас кормят сравнительно сытно, разнообразно. В обед я съел 400 гр. хлеба и немного лучше наелся. Хлеб

Ю. Н. Бучинский. 1942 г.

в связи с сильными морозами нам дают такой, что хоть топором его руби. Таки достали мандолу за 100 руб., замечательно сделанная и звук ничего. По радио есть сообщение, что наши имеют большие успехи на Западном фронте.

За 22-е наши взяли года Уварово.

25 января 1942 года

Утречком написал коротенькое письмо домой. Продал хлеб утром за 50 руб., а вечером хлеб и сахар за 60 руб., всего теперь у меня 384 руб. Помаленьку. Хреновато не жрать. За последнее время нам дают воды из залива. Вкус ее очень плохой, в животе как-то чувствуется неполадок.

Наши ребята у полевиков меняют папиросы на 100 гр. 12 папирос – 100 гр. Словом, 500 гр. за три пачки.

Старшина сделал проверку содержания личных вещей и пр., ругал меня здорово. Завтра продам только 200 гр., больше не буду. Теперь белье мы сами будем стирать, а привезли очень грязное. Хлеб плоховатый дают – мерзлый, как полено. Газет все нет.

26 января 1942 года

Оказывается, сегодня ночью была проверка караула, и меня нашли не на посту, и хотя нас стояло двое, виноват я. Ругают и ругают.

В ужин сегодня приходит Никулин Юра:

– Продай хлеб.

Ну я и продал ему за 50 руб. Через некоторое время приходит наш младший сержант и спрашивает:

– Признавайтесь, кто Никулину хлеб продал.

Сразу сказать, что, мол, я продал, неудобно, задам вопрос:

– А в чем дело? Я продал.

– Так вот, – говорит – иди к старшине.

Иду к старшине, пришел, он мне:

– Кому хлеб продал?

– Никулину.

– За сколько?

– За 50 руб. – сначала сказал, что не я его просил, чтобы он у меня купил.

– Ну, – говорит – иди. Я тебе задам.

Я пошел. Все настроение пропало, не знаю, что делать. Вот так сволочь. Вызывает комиссар, спрашивает прямо:

– Где деньги? – (А я их отдал Никулину)

– Товарищ комиссар, я их отдал ему.

– Врешь!

– Говорю правду.

– Ну ладно, позвать Никулина, а вы (он указывает на меня) идите в другую комнату.

Пришел Никулин, и стал его разоблачать комиссар. Не дают ему валенок, полушубка и хлеба.

Потом комиссар заходит ко мне и опять задает вопрос: зачем мне нужны были деньги? Я говорю, что мне не надо, а он опять за свое, так на этом и [неразборчиво]. Потом ребята мне говорят, что лучше сказать, для чего они мне, и когда комиссар пришел к нам и на вопрос, зачем ему (то есть мне) деньги, Егоров ответил – на часы. Ну, у меня отлегло.

* Продолжение. Начало в №№ 4 (56), 5 (57) 2010 г.

Эх и разошелся же здесь комиссар, орет, стукнул раз по столу кулаком – лампа вверх на пол литра метра все летит. Словом, досталось. Нам говорит, что написали теперь моим родителям. Неужели в самом деле. Как мне тогда быть? А Никулину я и хлеб, и деньги отдал, и, наверно, остался ни при чем. Черт возьми, стыдно здорово, как теперь глядеть в глаза. Сколько раз я подвел за эти несколько дней.

Говорят, большие успехи армии Мерецкова. Она заняла левый берег р. Волхов.

Скоро будет баня, но белья чистого не привезли, а привезли грязное, да еще какое! Стирать будем завтра сами.

Газет все нет и нет.

27 января 1942 года

Все-таки какие подлецы и сволочи имеются и среди моих товарищей. Вот Егоров Славка; говорит, что, когда меня не было дома, он про меня рассказывал ребятам все, что я ему говорил и не говорил другим. Даже некоторые возмущались его предательством. Он сказал, что я не первый раз это хлеб Никулину продал и один раз продал даже за 60 руб. Вот негодяй! Я думал, что он друг как друг, а он сволочь!

Сегодня я должен показать свое искусство прачки. С Сергеем засыпали окно осколками. Между прочим, комиссар велел утром сегодня мне дать 200 гр. хлеба, так я и съел.

28 января 1942 года

Вот уже не исходе и январь, а там и февраль (лютый). На завтрак сегодня исключительно вода. Стоял ночь в наряде, под утро пришли меня поверять и пристали ко мне, что я как будто стоял в двери у шоферов, и лейтенант замерз, стоя на посту, и не видел меня. Эх, и работенка же сегодня предстоит. Гимнастерку я так и не выстираю. Сегодня приказали делать крышки на котлы, засыпать снова окно, мыться в бане, таскать воду и прочее. Надоело это все: все формальности, подчиняться, крики, чувство вечного голода, скорее бы кончилась эта шарманка, попасть домой или вообще куда-нибудь. Надоело, надоело! Все надоедают, пристают, особенно за последнее время – не знаешь куда деться, просто как в клетке.

Ю. Н. Бучинский (слева). 1942 г.

Как бы чего не вышло посложнее с моим делом. Скорее бы мирная жизнь, чтобы ты мог сам себе достать поесть то, что захотел и сполна, не дожидаясь, что тебе дадут, сколько и когда. Я сейчас как только позавтракаю, так смотрю на часы, а сколько же часов до обеда, а от обеда до ужина и т. д. Вообще в армии у меня не было такого дня, чтобы я не думал про шамовку.

Теперь ни от кого не услышишь про девчат, а все про шамовку и шамовку. Эх, и надоело же! Наши успехи на фронтах огромные за семь дней, начиная с 16 по 25 января огромны, освобождено около 600 пунктов, окружены Харьков, Орск, Таганрог. Наши части прорвали окружение немцев на Западе. Занят 25-го Нелидово 1 на магистрали Ржев – Великие Луки.

29 января 1942 года

Опять работал, делал линейку, сектор. Выстирал гимнастерку, белье хотя и плохо, но ничего. Вчера я постригся. Говорят, что в городе хлеба уже не давали около четырех дней – нет воды и топлива, вместо дают муку, можно ожидать, что и старшина может привезти муку. Имеются шансы вовсе не получить папирос. Водопровод в городе испортился, и воды нет. Приехал врач зубной, я набрался духу и пошел к нему. Выдернул незаметно остаток зуба. На дворе потеплело, пошел снег, ветер, мороз всего 12 градусов. В последнее время завтрак стал со-

всем пустой, дают лапшу, которая имеет только лишь одно название, а в остальном вода. Обед, правда, ничего, ужин хорош – каша. Вечером пришла мысль написать домой письмо. Все думаешь, думаешь о доме, скучаешь, в груди как тяжесть лежит. Числа 5-го опять напишу.

Опять приказ выпустили о том, что от прибывших берутся четыре человека на подмогу разведчикам. Словом, делают все хуже и хуже. Надоело уже все это. Да, кончается дневничок, где я еще возьму бумаги? Сегодня с ужина оставил на завтрак 100 гр. хлеба.

30 января 1942 года

Все почти курево у ребят вышло, а говорят, что на эту декаду не дадут. Вот будет здорово. Что-то за последнее время меня пробирает такое, самое настоящее расстройство желудка. Все это от этой проклятой воды, которую берут из залива. В ужине оставил 100 гр. хлеба, и, когда стоял на посту, все-таки сумел продать за 25 руб., теперь у меня 403 руб. – сумма изрядная. Хотя и ругали меня, но я все же поступаю по-старому. Черт с ним. Сегодня опять было собрание, опять говорили насчет шамовки. Прислали новую раскладку – все молоко, восемь раз молочный суп. Молоко вместо жира, должны дать по 20 гр. сушеной картошки. Подняли вопрос о варке лапши, теперь муку будут засыпать прямо в котел, будут делать «баланду», по-моему, да

и все со мной соглашаются, это будет лучше, питательнее. Газет все нет, а вести очень хорошие. Решал задачи. Опять сегодня был свет. Надел стираную гимнастерку, так приятно надеть чистое! Все возят и возят дрова с фабрики, вот уже с декаду, говорят, что возили в пекарни. Говорят, что выступал опять Попков, дал задачу к 10 февраля навести порядок в городе, пустить водопровод (водопровод испортился и не работает).

31 января 1942 года

Старшина уехал за продуктами. Привезет или не привезет курево – вот основной вопрос. На дворе сравнительно тепло. Нашел-таки свой подшлемник, он был у разведки. Около 1-го часа приехал старшина, курева нет, молока нет, привез масла по 16 гр. в день вместо 42 гр., мясо. Картошки не привез, вместо нее крупу. «Лапша» – баланда будет теперь почти все время, идей нет. Ребята без курева ходят как сами не свои, чего-то ждут, ожидают, мне кажется, что, что-то должно прийти, а что – и сам не знаю.

Факт тот, что настроение неважное. Говорят, папиросы старшина привезет, может быть, завтра, теперь буду курить, чтобы заглушить скуку. Получил открытку из дома, посланную 29.10.41 года, а пришла она сюда через три месяца – 29.01.42 года. Как я жалею, что три месяца назад редко писал (мама пишет, что не получает писем). Бедная мамочка, она жалеет, что переехала на юг к Радзевичам, ей плохо живется, наверно, ругаются, а Радзевичи, – я ее знаю. В уборную пока еще не ходил, жаль, что вечером не удержался и выпил полторы кружки воды.

1 февраля 1942 года

Утром, часов в шесть меня пронесло, потом еще перед завтраком. Нет такого расчета, где все не болели, все делает вода.

С 18 января войска Юго-Западного и Южного фронта пошли в наступление. Прорвали укреплению. С 18 по 27 января 1942 продвинулись на 100 км. Освободили 480 населенных пунктов, года Барвенково, Лозовая. Немцы потеряли 25 тыс. человек. Огромный трофей.

За 29-е взято Сухиници, Мятлово (Западный фронт), Лозовая (Юго-Западный фронт), Барвенково (Южный фронт).

Погода стоит сравнительно теплая.

2 февраля 1942 года

Дали бумагу для писем, которую я заказывал, две пачки. Теперь можно будет писать письма. Не выдержал и продал утром хлеб за 60 руб. Ну мильтоны и дерут за папиросы, по 200–300 гр. хлеба берут за пачку или 70–100 руб. Будет ли время, когда будем вспоминать и смеяться, что были такие цены? Да, скоро опять писать письмо домой. Выполнил приказание комбата.

Где я буду писать, когда кончится блокнот? Нет ни бумаги, ничего.

Эти деньги не дают мне покоя, все думаешь и думаешь про них. Говорят, что можно посылать деньги из армии домой, нужно будет, смотря по обстановке, помочь дома, я думаю, там не без сильной нужды. Эх, скорее бы мама написала мне, что с ними. Уже 460 руб., еще немного и будет 500 руб. Эх, и похудели мы все. Когда были в бане, смотрел я на ребят, одни кости да кожа, а я на кого похож: ноги тоненькие стали, руки как палочки, ребра торчат, днем ходишь так, что еле-еле ноги волочатся, а особенно сейчас, когда у ребят нечего курить. Ходят как тени, чего-то ищут, лица черные, вытянутые, просто жаль смотреть.

3 февраля 1942 года

Пришла телеграмма, чтобы я отвез аккумуляторы [неразборчиво], дали мне одного человека, но его с полдороги вернули, и мне пришлось

Ю. Н. Бучинский. 1944 г.

тащить все самому. Устал неопишимо. Я даже не знаю, как вообще дошел, еле-еле дотянул, раз 20 отдышал. Кроме того, меня заставили таскать дрова, я поругался с ними. Домой дошел быстро, по дороге нашел военторг, но он закрыт. Пообедал зверски, суп перловый съел, примерно больше $\frac{3}{4}$ котелка, суп густой, второго почти две порции и два куска мяса. Каша гречневая, хлеба занял 100 гр. в счет ужина. Одним словом, поел до отвала, если живот не заболит – мое счастье. На ужин перловка, наелся еще больше и, стоя на посту, даже мысли в голову не лезли, как раньше. Раньше ходишь, ходишь, думаешь, думаешь, а сегодня совсем отупел, одна мысль – завалиться. Эх, так бы почаще! Заступил в наряд вместо Егорова, он уезжает за продуктами (может быть, папиросы привезет?).

4 февраля 1942 года

Появился свет. Пишу письмо. Написал ценную «Хартию». Два двойных листа. Пропустят или нет, не знаю. Описал все подробно, попросил иголок и лезвий. Наверно, пойдет сегодня. Наши однообразные дни так и летят. Что-то идут слухи, что немцы опять заняли Феодосию. Неужели, правда? Что-то не верится. Привезли масло, хлеб, но без курева.

Сегодня мы заступаем в наряд, я иду к комсоставу.

Идут разговоры, что как будто наш полк хотят сделать гвардейским. Вот было бы здорово! Ведь это же полуторный паек, двойное жалование – просто малина, а не житуха.

Стоял на посту и мечтал. Думал о домашней жизни, как сейчас живут мои дома, чем питаются. Я как вспомню, что ведь у них нет ничего, никаких продуктов, кроме тех, которые можно купить за деньги, а сейчас деньги ничего не стоят. Я как вспомню, так мороз по коже бежит. Ведь они голодать должны. И, между прочим, они сами виноваты, не хотели иметь огород, кабана, вообще хозяйство, теперь страдают. Ходил и думал, как бы я сейчас жил, если бы был дома. Занимал бы огород, свиней, кур, козу, жил бы так, как надо. А ведь мои товарищи жили гораздо лучше, а получали не 850 руб., а всего 350–450 руб. при 4–5 человек. Во всем виноват папа,

маму винить нельзя. Что она сама сделает?

5 февраля 1942 года

Только что заметил, что сжег почти совсем левый сапог. Новый сапог! Как теперь быть? Ведь за это мне влетит, да и следует. Ну вообще страдать-то придет мне же.

Да, таки точно сдали Феодосию. Немцы вводят на ряде участков новые силы. Что-то за последние дни не сообщается ничего хорошего.

Английские войска в Ливии опять наступают. Где немцы берут только силы? Вечером от нечего делать написал письмо Димочкиной сестре, спрашивал о судьбе Димочки. Скука зверская. День проходит за днем просто незаметно.

6 февраля 1942 года

В 8.30 поехал за станцией питания, проезжал мимо батареи, куда немцы вчера засаживали: весь снег черный на позиции, но, говорят, ранило одного часового.

Без особых приключений пришли домой. Завтрак повар налил зверский, почти полный котелок. Все ругают и ругают нас за все исключительно, и особенно заметно в этом проявляет себя старшина. Говорят, что в городе раскрыли шайку, которая хотела сдать Ленинград.

Старшина что-то уверенно очень говорит, что нам еще добавят хлеба, я не верю. В настоящее время, несмотря на то, что в газетах писали, что положение города лучше, чем в декабре, все же не очень заметно, даже как будто стало хуже, а что дальше будет?

7 февраля 1942 года

Надумал сделать чемоданчик, выбрал материал. Вдруг приходит телеграмма: на «Василек» за аккумуляторами к 12.00. Пришлось отставить работу. Пошел на «Василек». Утром комбат сообщил не очень-то приятную новость: в Ленинграде раскрыли заговор, который готовил город к сдаче. Немцы на днях готовились наступать, для этого они, говорят, сменили старые войска на новые, подтянули и подтягивают бомбардировщиков и истребительную авиацию к Луге и Сиверский аэродром с тем, чтобы неожиданно напасть. Что было бы с городом! Просто подумаешь – мороз по спине бегает. Эх и сволочи есть

еще на свете! И все это где-то сверху, верхушка.

Но опасность как будто немного миновала, несмотря на то, что бомбить город они, вероятно, будут.

По дороге зашел в Военторг – пустота и больше ничего. Говорят, что если и привозят товар, он лежит всего несколько минут, мигом разбирают.

Было собрание, на котором читали приказ командира полка о том, чтобы к 23 февраля добиться чести называться гвардейским полком.

А и правда. Вот бы в самом деле присвоили. Эх, и дела бы пошли!

А самое главное – полуторный паек, двойное денежное содержание и пр. «блага». Идут слухи, что рабочим в городе прибавили 100 гр. и теперь получается 500 гр.

Газеты стали приходиться нерегулярно, но в газетах пока ничего, понемногу наши жмут немцев.

Англичане в Ливии сдали Дерна и отступают. В Тихом океане союзники тоже отступают понемногу. Купил у Довбышева четыре пачки хорошей бумаги для писем; всего теперь у меня шесть пачек и пять конвертов я купил на почте. Из плохой бумаги (две пачки) буду делать конверты.

Надо навести порядок в [неразборчиво], прекратить ругань, споры.

Взяться за это нужно всем, всем сговориться и уважать товарища, друг друга.

8 февраля 1942 года

Целый день у нас стычки, ругань и прочее. Ну и ребята. Вчера вечером Довбыш принес карандаши, и сегодня я достал у него два. Вот чертовская задача № 46, никак не пойму сути дела. Начал делать чемоданчик, сделал боковые стороны и скрепил их шинами. Не мешало бы сделать еще и ножик. Письмо так не написал. Напишу завтра, будет лучше.

Примерное дневное меню: утром суп из воды, засыпанной муки, 25 гр. мяса, 10 гр. жира, все, словом, кисель. Обед: суп пшенный, перловый или щи – вода, 25 гр. мяса и жир – все. Второе: каша с мясом, пшено, гречка, перловка, а иногда и рис. Раньше так бывало все заполняли макаронами или вермишелью, а макароны ржаные. Утром 200 гр. хлеба и на день 35 гр. сахара. На обед –

200 гр. хлеба. Ужин – каша гречка, перловка или пшенная, редко рис. Раньше макароны или суп-лапша на молоке. По раскладке нам полагается очень многое, но его нет. В частности: овощей на день – 500 гр., а их нет, вместо каждые 100 гр. заменяют 10 гр. крупы. Полагается 20 гр. сухой картошки – ее нет, вместо крупа грамм за грамм. Нет перца, горчицы, лаврового листа. Не дают папирос, водки, [неразборчиво] 25 масла и прочее и прочее в ужин за целый день высчитывают по 10 гр. с человека, якобы на «Усушку» и «Урезку». Вечером заступил в наряд на кухню часовым.

9 февраля 1942 года

Живем все по-старому. Ничего особенного не сделал. Начал писать письмо домой, но не успел. Около 9–10 часов вечера лежу, как вдруг приносят письма, и, о радость, мне наконец-то сразу два письма из дома, одно за 8 января 1942, другое на 13 января 1942, все что ни есть свежее, те наши я с нетерпением жду. Письма длинные-длинные, подробные. В них мама описала почти все ужасы, которые им пришлось пережить. С Родзевичной мама поругалась. Борис, оказывается был целую неделю дома, но сейчас неизвестно где.

10 февраля 1942 года

Опять ругали меня. Было собрание насчет 24-й годовщины и в связи с этим вопросы, связанные с возможным присвоением нашему полку гвардейского звания. Пошли теперь комиссии за комиссиями. Политрук вчера опять дал задание до 12-го числа. Все никак нет времени свободного дописать письмо. После обеда выбираю свободное время и пишу, пишу письмо, написал 2,5 двойных листа. Описал все свои рассуждения насчет дальнейшей жизни моей, насчет ведения хозяйства, дал несколько советов домой.

Наконец-то дождался: вечером часов около 8–9 влетает Егоров Славка и орет: «Ребята! Новость. С завтрашнего дня нам будут давать по 800 гр. хлеба и 150 гр. мяса, вместо 125 гр.». Вот так здорово. Живем. Сегодня, как назло, целый день прошел без жира. Завтрак, обед и ужин был исключительно сухой. Значит имеем шансы завтра утром получить сразу уже не 200, а 300 гр. хлеба. Мириво!

Купил у Довбиша еще две пачки бумаги, пять карандашей простых, три иголки и проч. Бумаги у меня теперь хоть отбавляй – восемь пачек из них две тонкой, блестящей.

Послал сегодня письмо домой, но пойдет оно только завтра, 11-го числа.

Этот Алферьев и сволочь стал как стал, торчать на кухне, а срать стал в землянке, просто невыносимо. Ходили со Славкой добывать толу для глушения рыбы. Сегодня, когда ездили за водой ведрами ловили довольно большую рыбу. Так вот Славка и затеял глушить. Авось, что-нибудь и выйдет.

11 февраля 1942 года

Дурацкий день сегодня, и не смотря на то, что, с одной стороны, большая радость – 800 гр. хлеба. Комиссар приказал до обеда кончить ту хреновину, и вот я целый день торчал в 10-й комнате, сделал, но неважно и до обеда так не успел, пришлось возиться после обеда. Эх, сапоги, сапоги мои, пропали ни за что. Эх, и дурак. Если узнает старшина или кто-либо другой, влетит зверски. Эти сапоги камнем лежат на душе. Взял их сегодня и разломал совсем, чтобы просохли, совсем пропали, осталась одна стелька. Что я буду делать?

Еще командир наш, засранец, накидали ему нарядов, вот ходит как собака, как зверь, сморчок. Навалился на меня ни за что ни про что. Обложил матом, сволочь, и все, а Петров услышал и: «Сыпугов,

пошлите его завтра с семи до девяти воду таскать». Эх, зло берет. Ну и хер с ним. Газеты все старые.

12 февраля 1942 года

Ну погодка стоит вот уже половину февраля! Морозы небольшие, словом, тепло.

Хотя бы подольше так. Чувствительно, но все-таки слабо добавка действует, чувствительна она лишь тогда, когда не ешь, а как съел хлеб, так опять жрать охота. А хитро сделали: хлеба прибавили, а крупы убавили, например, в обед сегодня лишь 35 гр. перловки дали и больше ничего. Хотел было делать чемодан, лазил по фабрике, искал петли и резину для сапога, но не нашел: не знаю как быть. Как будто начал налаживаться порядок в баллистике, стали гораздо сдержаннее. Но все же ругань есть. Заступил я в наряд. Целый рой мыслей, идей – только их выполнять! Эх и было бы делов! Надоело все это, ох и надоело. Вечно жрать охота, вечно желудок тянет.

Комбат говорит, что наши Любань взяли и еще кое-что, но это только говорят...

13 февраля 1942 года

Опять мастерил целый день. Мой чемодан высох. Я все-таки надумал сделать выпрямитель для зарядки аккумуляторов. За последнее время нет времени решать задачи. 467 номер все никак не получается. После обеда сижу в 10-й комнате, вдруг входит Павлов и приносит полную тарелку перловой каши.

Эх и навернул ее с удовольствием. Почувствовал, что желудок полный, но если бы еще дали, кажется, ел бы без конца. Вот до чего голодовка доводит!

На дворе хотя и метет, но тепло, ветер сильный. Что-то чувствуется, что понемногу мои отношения с нашими ребятами улучшаются, особенно с «маленьким» Егоровым. Стали теперь за всякое сказанное слово по отношению к кухне давать взыскание. Спросишь, почему это, мол, хлеб мокрый – наряд, молчи и не говори. Почему суп сегодня жидкий, – старшина тебя пошлет «офицеров считать» или воду таскать и т. д. – словом, теперь видишь все безобразия и молчи, а не то получишь по заслугам. Эх и время же, черт побери. Старшина заметил, что я ношу не свой сапог, и спросил, где это я сжег: говори, чтобы до срока носки претензий не предъявлял.

Дал Романову сапоги в ремонт, сделает ли он с ними что-либо? Теперь на обед как только гороховый суп, так с картошкой замечательно вкусный кажется. Стали тревоги очень часты, но бестолковые, только мерзнем. Проходят различные проверяющие и прочее.

14 февраля 1942 года

Поехали за хлебом, мясом. Папирос, говорят, опять не будет. Вчера хотел купить нож за хлеб, но не продавали.

Ну и денек сегодня! Просто исключительно тепло на дворе.

Опять мастерил целый день. Павлов дал на обед миску горохового супу.

Вечером пришел дежурный и объявляет следующее: «Теперь дежурить всем полностью, кроме разведчиков, на дворе с десяти часов вечера до четырех часов утра». Кроме того, греться не пускают. Что за херovina такая! Я сначала, да и все так, даже не поверил, переспросил – да, так верно. Тут и смех и горе. Начали говорить, что скоро черт его знает что придумают. Но все таки быть не быть, а дежурить надо, на дворе на сегодня очень тепло. Меня тоже определили на работу: с 12 до 8 утра топить печь в бане, а с восьми мыть там же пол. Что такое? Как будто похоже на взыскание, но нет повода к нему никакого. Это, наверно, так.

Пришлось идти и топить. Все же это лучше, чем мерзнуть на дворе, а

Ю. Н. Бучинский (1-й ряд, в центре). 1944 г.

утром с семи часов возить воду. Эх, и дела, дела. Скоро совсем с ума сойдут все. Как ни день, так все новое и новое. Сделал чемоданчик, осталось только выкрасить. Хороший получился, нормальный.

На фронтах все по-старому. Японцы уже на о. Сингапур. Идут бои, словом, день, два и крепость Сингапур накроется.

У нас тоже все пока не очень хорошо продвигается, но медленно, на нашем участке вот уже второй день замечается активность. Привезли какую-то сухую рыбу – говорят, вместо мяса и жира. Вот так здорово! Пишу сии строки, сидя в бане за топкой печи, спать хочется ужасно, взял было задачник, но неохота решать. Сегодня вот уже 14 месяцев, как я последний вечер гулял дома. Завтра пойдет 15-й месяц моего отсутствия из дома. Читал статью М. И. Калинина о действии нашей армии. «Наши части, – говорит он, – продвинулись кое-где на 400 км». Наши войска наступают вот уже второй месяц, а все-таки много уже освободили.

15 февраля 1942 года

Опять пришлось строить, возиться в 10-й комнате. После топки мыли пол, завтракал один. Пошамал ничего: суп с молотой на мясорубке сухой рыбой – бычками, довольно вкусный суп, плохо, что без жира. Убрал у себя, стало значительно лучше, свободнее. Стали теперь что-то гонять за всякие пустяки, вот и сейчас старшина вызвал наших ребят и начал их гонять, что, мол, митингуете, спорите, от безделья заводите разговоры, вот я с завтрашнего дня возьмусь за вас, подъем в девять часов, зарядка, осмотр и прочее. На занятия как часы, минуту в минуту.

Кто-то все выбалтывает старшине, все то, что говорят ребята. Кто, интересно? Наши партийцы стали херовыми, необщительными, держатся особняком, как эгоисты, особенно Пимонов и Щербаков. Эти так особенно изменились. Решили, что если будем строиться на новом месте, ни в коем случае только не вместе. Довольно. Пожили, увидели. Меня послали, оказывается, вчера с Платоновым как в виде репрессии.

Видите ли, старшина подозревает нас четверых в том, что кто-то из нас написал докладную комиссару полка, а кто написал, так точно не знают, вот на всех и имеют зуб. Ну, хер с ним. Сегодня целые сутки не спал, и не спится что-то. Опять с Егоровым пошел в баню топить, все разбирал проклятую задачу, еле-еле доходит до сознания. Ну, на дворе сегодня целый день и теплынь, просто весна, всего 0 градусов. Снег подмяк и начало капать, совсем как весна. Под вечерок, правда, стукнул небольшой морозец.

16 февраля 1942 года

Да, довольно нужно написать домой письмецо. Уже прошло 5–6 дней. Вчера получил от Романова свой сапог, сделал как будто и ничего, конечно, если был подходящий материал, можно было бы и лучше сделать. Ну, хер с ним. Просит за работу только покурить, говорят, 19-го дадут курицу, вот я и отдам тогда. Мороз вчера разгулялся, и утром, наверно, около 20–25 градусов. Наш расчет таскает воду, дрова и прочее. Я пока ничего не делаю и вот пишу. А работенки мне и на сегодня хватит. Эх, посмотреть только, какой материал жжется, вот если бы его в мирное время мне! Что бы я только не наделал?! Какие досочки, фанера – просто жаль становится. Взшло солнце оранжевым большим кругом, все серебрится и сияет от мороза. Хоть бы февраль был теплый, ведь прошла уже половина, дотянуть бы вторую. Никак я свой чемодан не покрашу, нужно будет лаком прокрыть черным. Сегодня опять почти сутки не спал. Черт возьми, а блокнот-то все меньше и меньше становится, а я и не думаю другой делать, так не годится. Хоть бы этот дотянуть до конца февраля, а осталось-то всего 12 дней. Пожалуй, что хватит. На эту пятидневку совсем пустые обеды, без грамма жира. Письма так и не написал. Холодно сегодня, черт возьми. Получил «получку», дали что-то опять 35 руб. Старшина, давая деньги, ехидно сказал: «Во, смотри, платят, как младшему командиру, нужно работать больше и болтать поменьше». Опять болтать! Что такое, черт возьми? Наши ребята не привезли

дров утром – им не дали завтрак, зато потом на двоих дали полведра, по полтора котелка супа! Я тоже поел ничего, пообедал хорошо, был суп с рыбой. Замечательно просто. Перед ужином мылись в бане. Комиссар предложил вместо пресной каши в ужин делать суп в завтрак и ужин, но погуще. Все как будто согласились, но, по-моему, зря. Но ничего, это всего на четыре дня.

17–18 февраля 1942 года

Опять работа и работа! Когда же она кончится?! Домой написать даже некогда. Решил, наконец-таки, проклятую задачу.

Вечером написал домой письмо. Сегодня старшина не поехал за продуктами, поедет завтра. Что привезет, интересно? Послал две карточки.

19 февраля 1942 года

Старшина уехал. Между прочим, сегодня в четвертом часу утра к нам прибыло новое пополнение аж из Омска, всего четыре человека. Может быть, к нам одного дадут, а я стану более свободным.

Вчера лазил по фабрике и нашел случайно около полутора десятков рыболовных крючков. Возьму с собой, пригодятся. Достал столярного клея две плитки, хорошего качества. Сумел сегодня сколотить ящичек под барахло. После обеда повар мне налил полный котелок супу, съел его в ужин. Старшина привез курицу, наконец, всего по 15 грамм на брата.

Опять инцидент с комбатом и комиссаром. Они, видите ли, хотели обобрать меня насчет курицы: мол, ты не куришь, отдай-ка лучше нам. Все это ничего, а то комбата [неразборчиво], и разговор возмутил меня и задел здорово, я разозлился.

Закурил с удовольствием. Старшина вместо жира привез какое-то растительное масло, по-моему, будет херово.

На дворе мороз около 20 градусов, но сравнительно тепло – нет ветра.

Солнышко пригревает с каждым днем все сильнее и сильнее.

*(продолжение
в следующем номере)*